

Иван Жадан, или Русский Робинзон Карузо

Знаменитые теноры довоенного Большого: Жадан, Лемешев, Козловский. Уже слышу: Лемешев, Козловский — понятно, а что за Жадан? Откуда? А между тем, именно эти три имени стояли рядом на афишах Большого театра в 1937 году, когда шел «Евгений Онегин», приуроченный к пушкинским торжествам: партию Ленского разделили между собой три молодых тенора: 1-й акт («Я люблю вас...») — Жадан, 2-й («В вашем доме...») — Лемешев, 3-й («Куда, куда вы удалились...») — Козловский.

Честно говоря, я и сам про этого артиста узнал совсем недавно и, в общем, случайно. Начну с главного: певец этот — несравненный, с голосом нежнейшего тембра и редкой по выразительности и естественности манерой исполнения, отмеченной той особой кантиленностью, которая, увы, где-то в середине нашего века была, вместе с дикцией, безвозвратно утрачена.

Вот вкратце, что мне удалось о нем узнать.

Иван Данилович Жадан родился 22 сентября 1902 г. в г. Луганске, рос в деревне в семье деда-кузнеца, обучавшего мальчика своему древнему искусству. В десять лет начал петь в церковном хоре, потом, уже работая на Луганском патронном заводе, поступил в любительский музыкальный кружок. В 1923 году по настоянию педагогов поехал в Москву и был принят в музыкальный техникум при консерватории. Он сразу обратил на себя внимание: большое участие в его судьбе принял, в частности, музыковед и композитор Болеслав Яворский. Чтобы прокормиться, обучал обработке металла студентов Военно-воздушной академии, в числе которых были А.Н.Туполев и А.С.Яковлев — будущие ведущие конструкторы русской авиации.

В 1926 году Жадана пригласили петь в музыкальных передачах Московского радиокомитета, в 1927-м он был принят в оперную студию Большого театра, руководителем которой — К.С.Станиславский — отмечал безупречную дикцию певца; в конце 1927 года, пройдя трудный конкурс, Жадан был принят в труппу театра.

За скромным дебютом в роли Запеллы в «Евгении Онегине» последовали

серьезные партии: Синал в «Демоне», Индийский гость в «Садко», Берендей в «Снегурочке», Юродивый в «Борисе Годунове», Герцог в «Риголетто» и, конечно, Ленский. В духе времени Жадан спел партию Первого муэдзина в опере с жутковатым для нашего уха названием «Октябрьская вышка», из жизни нефтяников Каспия. Опера была написана Б.Яворским к 13-й годовщине Октябрьской революции, премьера в Большом театре состоялась 6 ноября 1930 года. Есть сведения, что премьера стала и последним исполнением «Вышки».

Жадан пел в Большом, на радио, записывался на пластинки (его «Песня Индийского гостя» была в тридцатых годах настоящим шлягером), много гастролировал по всему бескрайнему Союзу. В эти годы с ним работал выдающийся аккомпаниатор-концертмейстер Матвей Иванович Сахаров, известный любителям русской вокальной музыки: он помогал певцу освоить камерный репертуар — романсы и народные песни. Судя по всему, к Жадану благоволил и Сталин, просивший, чтобы на правительственных концертах именно он пел арию Надира из «Искателей жемчуга». В 1935 году в составе «звездной десятки» советских артистов (в которую входили также Д.Шостакович, Д.Ойстрах, В.Барсова, М.Максимова, А.Пирогов, П.Норцов) певец принимает участие в ответственных гастрольях в Турции, имевших большой политический резонанс. Бездетный турецкий президент Кемаль Ататюрк был потрясен мастерством Жадана: после концерта он публично заявил, что берет его в приемные сыновья, и тут же вручил некурящему артисту собственный золотой портсигар с монограммой.

Уже заслуженный артист РСФСР, в 1937 году Жадан имел триумфальный успех в Риге, куда, в рамках тех же пушкинских торжеств, он поехал с партией Ленского (на спектакле певцу пришлось трижды исполнять ариозо «Я люблю вас...» и трижды — арию «Куда, куда вы удалились...»). Устроители гастролей

Иван Данилович Жадан.
Фотография середины 30-х годов.

просили, чтобы Жадан выступил и в других спектаклях, просьбу поддержал посол СССР в Латвии, и Жадан спел в «Фаусте» и «Риголетто».

А теперь припомним, что 1937 год в жизни СССР был отмечен не только помпезным пушкинским юбилеем. Шумный успех в Риге, очевидно, не прошел бесследно: Жадана не пустили на концерты в Таллин и Вильнюс. Ограничили репертуар. Вскоре был арестован директор Большого театра В.И.Мутных, всегда поддерживавший Жадана. Исчез без следа советский посол в Латвии, содействовавший продлению рижских гастролей. Прекратились приглашения участвовать в правительственных концертах. Жадан все чаще надолго уезжал на подмосковную дачу в Манихино, а с началом войны вообще переехал туда с женой и младшим сыном (старшего, Владимира, к этому времени уже призвали в армию). О дальнейшем в интервью рассказывал сам певец:

«Это было осенью 1941 года. Манихино захватили немцы. Нас, солистов Большого театра, тогда там было много. Так вот, в мой дом, где вместе со мной были тогда концертмейстер, знавшая хорошо немецкий язык, баритон Волков

и еще несколько артистов, вошел офицер. «Кто такие?» — сурово спросил он. «Артисты», — пролепетала насмерть перепуганная пианистка. Офицер на минуту задумался, потом лицо его просветлело: «А Вагнера можете исполнить?» Волков утвердительно кивнул головой. Что нам оставалось делать? 13 артистов Большого невольно стали заложниками трагической ситуации и, как мы затем поняли, попали в большую беду. Ясно было, что пути назад могло и не быть. В декабре я и еще 12 моих коллег, артистов Большого театра, вынуждены были вместе с отступающими немцами двигаться на запад...»

Днем работали, вечерами пели. В Белоруссии их чуть не расстреляли, приняв за советских лазутчиков. Потом — лагерь, потом женский католический приют в небольшом немецком городке, где Жадан вспомнил все свои юношеские ремесла — был и кузнецом, и садовником, и часовых дел мастером. Были отдельные концертные выступления, несколько записей на пластинки, в 1944 году в Праге — участие в концерте хора армии генерала Власова. (Лишь полвека спустя артист узнал, что концерт записывался и вышли пластинки с его пением). В течение трех послевоенных лет полуподпольная жизнь в Германии и Австрии под чужими фамилиями — чтобы не попасться сталинским агентам, вылавливающим по Европе русских беженцев. Жена и младший сын потерялись в скитаниях. Жадан еще не знал тогда, что его старший сын, отслужив в советской армии, после войны был отправлен в ссылку в Красноярский край как сын не-возвращенца.

В 1948 году Жадан получил американскую визу и приехал в США вместе с подругой-американкой по имени Дорис, которая вскоре стала его женой. Однако атмосфера в тогдашнем Нью-Йорке была скорее просоветской, концертные агентства не хотели иметь дело с сомнительным русским; Сол Юрок, например, стремился заполучить на гастроль Большого театр — можно ли было даже упоминать при нем имя Ивана Жадана?

Все же стараниями друзей состоялось несколько выступлений — в частности, два концерта в нью-йоркском Таун-холле. Концерты имели успех, на одном из них присутствовала сестра Сергея Рахманинова, высоко отозвавшаяся об исполнении Жаданом романсов композитора. Но профессиональная карьера не складывалась. Жадан с женой уехали во Флориду, Дорис преподавала в школе, а Иван Данилович работал уборщиком, садовником и иногда пел в кругу друзей и на местных радиостанциях.

В июне 1955 года 30-летие Дорис решили отметить поездкой на остров Сент-Джон в Вест-Индии, неподалеку от Пуэрто-Рико. Небольшой катер еще не пришвартовался к берегу, когда Иван Данилович, неотрывно разглядывавший прозрачную голубую воду в бухте, сказал: «Я здесь остаюсь». Так началась еще одна новая жизнь. Поначалу Иван работал садовником за 55 центов в час, Дорис преподавала в сельской школе. Потом, постепенно, он собственными руками построил дом, в котором они прожили долгие годы и в котором он умер в своей постели 15 февраля 1995 года. Он всегда любил петь — и, поселившись на Сент-Джоне, называл себя Робинзон Карузо.

Ему было без малого 90 лет, когда в 1992 году он впервые за полвека вернулся в Россию и увиделся со своим старшим сыном-инженером, который живет в Москве. В 1990 году его имя впервые прозвучало в коротком сюжете на Центральном телевидении. В 1992 году, после его визита, к 90-летию появилась статья в газете «Большой театр». В 1994-м интервью с Жаданом поместила газета «Труд».

В 1994 же году в Америке усилиями Дорис Жадан был выпущен компакт-диск, на котором собраны записи Жадана 1933-1954 гг. («Ivan Zhdan, Great Russian Tenor of the Century»). Именно с этого диска и началось мое знакомство с певцом. Здесь — романсы Чайковского и Рахманинова, напевы еще в Москве, арии и народные песни (три песни, записанные с хором армии Власова в Праге в 1944 году), лихой «Чубчик», знакомый скорее по пластинкам Петра Лещенко, и записи, сделанные с концертов во Флориде в 1953-1954 гг., — в общей сложности 28 номеров. Это уникальное вокальное собрание говорит само за себя — его можно смело рекомендовать всем любителям музыки, и русским, и нерусским. Этот диск певец успел послушать.

В ближайшее время выходит второй диск («Ivan Zhdan, St. John's Robinson Caruso»), составленный уже после его смерти, — он посвящен в основном американским песням на английском языке, но включена в него и «Песня Индийского гостя» — да-да, та самая, которая была шлягером в Москве 60 с лишним лет назад. Дорис Жадан делает все, чтобы увековечить память мужа: в их доме теперь открыт музей, посвященный его жизни, совсем недавно вышла обильно иллюстрированная фотографиями книга («The Great Life of Ivan Zhdan»), которую она, как следует из развернутого заголовка, адресует прежде всего внучатым племянникам. Книга написана по-английски (Дорис не очень хорошо знает русский язык), и если в ней можно найти погрешности и неточности в смысле истории и музыки, то они с лихвой искупаются любовью к главному ее герою. Это, безусловно, лишь первый шаг на пути к восстановлению подлинной биографии и дискографии Ивана Жадана — в частности, из книги следует, что существуют еще как минимум три группы не обнаруженных записей: Москва, 1930-е гг. (Всесоюзный радиокомитет, Апрельский завод); Германия, 1942-1944 (фирма «Политор») и магнитные ленты с многочисленными записями, сделанными на радиостанции гор. Тампы (Флорида), 1953-1954. Это ли не достойная задача для истинных следопытов!

А пока диски и книгу можно заказать, обратившись по адресу: Mrs. Doris Zhdan; P.O.Box 84; St. John, VI 00831, USA. А заодно при этом и сказать Дорис Жадан сердечное спасибо за то, что она сохранила для нас голос и облик этого необыкновенного певца и необыкновенного человека.

АЛЕКСАНДР СУМЕРКИН

Нью-Йорк